

Н

редко бытует такой миф: дескать, победу во многих сражениях Великой Отечественной войны обеспечили «штрафники», и что это жуткое изобретение тоталитарного режима. А что же на самом деле?

Штрафные роты, батальоны в январе 1942 года появились у немцев — после зимнего отступления под Москвой. И только в сентябре штрафные части начали формировать и в Красной Армии — после летнего отступления к Сталинграду и на Кавказ. За всю войну через нашу армию прошли 34,5 миллиона человек. В штрафники же было направлено 428 тысяч — менее полутора процентов. В силу своей немногочисленности решающие задачи на фронте они не исполняли. Но «провинившимся в нарушении дисциплины по трусости или неустойчивости» давали возможность «кровью искупить свои преступления перед Родиной отважной борьбой с врагом на более трудном участке боевых действий».

Когда-то Ковалева знала вся округа. Яков Никифорович работал бухгалтером в Митрофановке Кантемировского района в инкубаторно-птицеводческой станции. Каждому, кто приходил-приезжал за выводком цыплят, утят, выписывал необходимые бумаги счетовод — человек в возрасте, не из богатых. Казалось, что он век просидел за этим большим, «не по его росту» столом, со стуком кидая костяшки на счетах. И кто бы мог подумать о нем, что Ковалев — фронтовик, отставной майор, а еще кавалер двух редкостных командирских орденов Александра Невского. Причем заработал награды в боях, загремевших на Восточном фронте по просьбе премьер-министра Англии, господина Уинстона Черчилля. А водил тогда, в январе-марте 1945 года, капитан на прорыв вражеской обороны штрафные роты.

* * *

До капитана крестьянскому сыну надо было дослужиться.

Яков, сын Никифора Александровича и Феоны Михайловны, из воронежского села Жилино. Родители собственным трудом выбились в середняки, за что их «про себя однажды пришлось даже корить». В пятый класс школы-семилетки зачисля-

ли лишь детей бедняков и батраков. А меня, — вспоминает Ковалев, — не выгоняли и не принимали. Хожу на занятия, не пропускаю уроки месяц, другой. Учителя меня не спрашивают, не замечают. Хоть бросай школу. А учиться так хотелось! До слез доходило. Хорошо, директор первым вызвал меня к доске, убедился: неплохо знаю весь пройденный материал. Ну и отметил мою настырность. Записал меня в классный журнал».

Грамотный парень потребовался в колхозе. Сразу взяли в счетоводы. По армейскому призыву, а служить с 1936 года довелось на Дальнем Востоке, «среди сопок и в безлюдной местности — одно селение в три двора», попал в полковую школу, где присвоили звание младшего сержанта. Здесь же оставили «других учить». После окончил курсы младших лейтенантов. «В петлице кубик, руками его трогаешь. Ремнями крест-накрест перепоясан, скрипят. Кто радуется, кто хвастает!»

На побывку домой съездил офицер. Отбыл в отпуск холостой, а возвратился с женой. «Сестра мне в письмах сообщала, что подыскала невесту. Фотографию ее прислала. А я глянул на фотокарточку: волосы растрепаны, показалась какой-то ветреной, не стал отвечать. Вот приехал, остановился у брата с сестрой в Митрофановке. Они уже в райцентре обжились, вечером с танцев провожаю своих односельчанок — девчат из Жижино. А с ними на квартире стояла Дуся из соседнего села Еленовки. Познакомились. Шутили — записки из комнаты в комнату друг дружке передавали, целую тетрадь исписали. Оказалось, что ее-то фотографию получал я от сестры. Прическу ей ветер разлохматил, потому на карточке не глянулся мне. В жизни Дуся была симпатичной, интересной. Короче, вскоре отправился я к ее матери, сам засватал».

Молодых вначале приютил у себя политрук, затем свое жилье получили — круглый финский домик — «бочонок».

Пятнадцатая армия в ту пору вдоль Амура укрепляла рубежи. На границе тучи вновь ходили хмуро. Японию окрыляли давние победы. Но ударила Германия с запада. 92-ю стрелковую дивизию спешно перебросили на фронт. «Ехали быстрее скорых пассажирских поездов. Прямо из вагонов в летнем обмундировании по первому снегу пошли в бой». Уже в мирное время Яков Никифорович прочитает, что был он участником чуть ли не первого удачного наступления Советской Армии под ленинградским районным городком Тихвином. «Кругом леса. Болота в топких местах еще не замерзли. Схватились с немцами — то они нас окружают, то мы их. Куда ни повернись — сплошная линия огня». Фашистов не просто отбросили. Немцам и финнам не дали опоясать Ленинград вторым кольцом окружения и лишить блокадный город последнего железнодорожного пути, по которому через Ладожское озеро «дорогой жизни» шли грузы с «большой земли», переправляли воинские подкрепления, вывозили мирных жителей и раненых.

В одной из горячих атак командир стрелковой роты 317-го полка Ковалев был ранен в ногу, ниже колена. «Лечили в Рыбинске. Госпиталь в школе, вначале бомбили нас и тут. Когда расколошматили немцев, налеты прекратились. Сквозная пулевая рана зажила быстро, но стопа не сгибалась — пятка не доставала до пола сантиметров на шесть. Врачи решили: пройдет. Не рядовой, окопы не копать. Дали освобождение на три месяца от службы».

Офицерские семьи к тому времени с Дальнего Востока перебросили в Красноярский край. С Дусей встретились в селе Михайловке. «Как на родине. У нас же тогда район назывался тоже Михайловским. Со старожилками говорил — вроде земляки, выходцы из Воронежской губернии, в царское время деды переселились на вольные земли».

Яков Никифорович прихрамывал, боли в ноге не проходили. Оставили его в Сибирском военном округе. Молодых призывком учил минометному делу. За-

тем и сам попал на курсы «Выстрел», присвоили звание лейтенанта. Из Новосибирска весь офицерский выпуск отправили «в распоряжение командования Первого Украинского фронта». В июле 44-го Ковалев принял батальон 825-го стрелкового полка 302-й дивизии. Уже в сентябре в боях в Прикарпатье комбат вновь заполучил нежеланный гостинец в виде «слепого осколочного ранения правой половины грудной клетки с повреждением ключицы».

— Подлечился, вызывают в штаб нашей шестидесятой армии, — вспоминает Яков Никифорович. — Говорят: принимай 251-ю отдельную роту штрафников. Хоть приказ не принято обсуждать, само сорвалось с языка: за что? Мне толкуют о высоком доверии. Вы, мол, у нас в лучших комбатах. Дают 150 человек из осужденных военных трибуналом. Объясняют преимущества службы: фронтовой день приравнялся уже не к трем, а к шести дням на гражданке. Кто там тогда о стаже думал? Живым бы вернуться...

Познакомился Ковалев со своими бойцами. «О штрафниках посе́йчас наворочены горы брехни. Но и тогда у меня было расхожее представление, что среди них одни бандиты да уголовники. Оказалось, нормальные офицеры, солдаты. Тот в отпуске гульнул и надебоширил, довольно частый случай. Тот оружие потерял. Тот вгорячах устроил самосуд — пленных расстрелял. Вину теперь надо искупать кровью».

Обошел окопы. С каждым было время побеседовать. Стояли в Польше. Впереди река Висла. Немцы вгрызаются в землю, строят мощные укрепления, подтягивают технику. Позади тоже гул машин. Подходят наши минометчики, артиллеристы, танкисты. Вот-вот поступит приказ о наступлении. В прорыв идти первым, конечно, нам».

Ни офицеры, ни, тем более, бойцы не знали, что час атаки наступит раньше — до срока, уже утвержденного Ставкой Верховного Главнокомандования. На целых восемь дней укоротят фронтовую «передышку», а кому-то — и жизнь. Январь 1945 года. Каждый ведь понимал, что до Победы оставался лишь шаг.

Адольф Гитлер отмечал Рождество в приподнятом настроении. Пришел вновь его час. Хвастливые янки вместе с англичанами терпели поражение в Арденнах. Растерянный генерал Эйзенхауэр спешно отправит в Москву на переговоры с союзником своего главного маршала авиации. Но Теддера «свяжет» непогода на египетском аэродроме в Каире. Тогда премьер-министр Англии Уинстон Черчилль, отбросив привычное высокомерие, пишет личное послание «маршалу Сталину»: «На Западе идут очень тяжелые бои... можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января... Я считаю это дело срочным».

Иосиф Виссарионович не медлил с ответом.

«7 января 1945 г. Маршал Сталин — премьер-министру.

Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года...

Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует... Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту... Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам».

«9 января 1945 г. Премьер-министр — маршалу Сталину.

1. Я весьма благодарен Вам за Ваше волнующее послание. Я переслал его генералу Эйзенхауэру только для его личного сведения. Да сопутствует Вашему благородному предприятию полная удача!» И далее: «...немцам придется делить свои резервы между нашими двумя пылающими фронтами».

О просьбе союзников посообщили командующему фронтом Коневу. Иван Степанович ответил, что Первый Украинский к новому сроку будет готов к наступлению.

Позже Черчилль не запомнит январские события. Это «со стороны русских и их руководителей было прекрасным поступком...»

На рассвете 12 января вражеские укрепления снесло ураганным огнем. Хоть «с неба хлопьями валил снег», стрельба велась прицельно. На каждом километре участка прорыва два часа «работали» до 250 орудий и минометов.

— Мы пошли в атаку в первом эшелоне, — говорит Ковалев. — Немцы еще не очухались, когда мои мужики ворвались в траншеи. Был не сорок первый год. Следом за нами в бой вступили танки. Так можно воевать.

Яков Никифорович не знал, что чуть ли ни день в день танкисты этой же 3-й армии Рыбалко в январе сорок третьего схоже штурмовали оккупированное фашистами его родимое село Жилино.

В памяти остались будто летящие машины. На башнях для маскировки белый тюль. Огонь — на ходу.

«Русское наступление развивалось с невиданной силой и стремительностью... Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером... Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи». Так оценивал сражение враг — генерал Фридрих Меллентин.

После первых удачных боев роту Ковалева расформировали. Штрафников, что называется, восстановили в правах и отправили в обычные части. А капитан вместе со своими командирами взводов при штабе Пластуновской казачьей дивизии ждал пополнения.

В те дни офицерам встретился освобожденный из плена француз. «Страшно смотреть на него: кожа да кости, еле ногами переступает. Вроде с креста снят. Поляки помогли поговорить с ним. Оказывается, что тут неподалеку расположен концлагерь Освенцим. Немцы травили людей в газовых камерах, сжигали заживо в печах крематория. Какое-то нечеловеческое озверение. Мы решили сами поглядеть на эту фабрику смерти. Подвернулся деревянный фаэтон-автобус на конной тяге. В резных узорах. На нем и поехали. Стены из колючей проволоки. У ворот куча легковых машин. Генерал привез сюда международную делегацию. Вдруг направляется к нам. Лицо злое. Показывает кулак, чтобы гости не увидели. Приказывает вполголоса: «Убирайтесь отсюда!» Да еще покруче заворачивает. «Черти вас принесли!»

После разобрались. Нас ведь, действительно, черти принесли. На похоронном катафалке явились!»

Об этом событии тех дней Ковалев рассказывал подробно. А о другом — сообщил вроде как между прочим. На штаб дивизии внезапно напали метавшиеся в окружении немцы. С танками шли в атаку. «Отбились», — Яков Никифорович не стал вдаваться в детали.

Капитана представили к боевой награде. В январских боях «показал себя смелым, решительным, спокойным, волевым офицером».

Кстати, о просьбе Черчилля. «Влияние январского наступления Советской Армии с рубежа Вислы немедленно сказалось на западном фронте. Мы уже давно и с тревогой ожидали переброски своих войск на восток, и теперь она производилась с предельной быстротой». — Это свидетельство генерала фон Мантейфеля, командующего 5-й немецкой танковой армии. Не без помощи советского воина союзники отбились в битве в Арденнах.

Ковалев принял штрафников и вел свою новую роту на передовую. «Местность неудобная для наступления — холмы, овраги. Немцы засели на высотах, держат нас под прицелом. Пока разрешили окопаться, осмотреться, отдохнуть. А среди

ночи будит меня связной — срочно в штаб дивизии. Комдив, фамилия у него чу-даковатая, врезалась накрепко — Грюнвальд-Мухо — встретил у порога.

— Обстановка меняется. Сейчас есть работа. Немцы выбили нас из окопов. В роте сколько бойцов? Сто пятьдесят. У меня в полку меньше. Позиции надо вернуть, капитан.

Пошутил, ему, мол, уже пообещали голову срубить. «А я прежде твою отсеку», — говорит и смеется.

Тут не до улыбок. Правда, предлагает самоходки в помощь. Я сразу отказался. Лишний шум. Попросил бойцов из той части, которая занимала окопы, дескать, пусть нас выведут поближе, точнее на позицию.

Распределил их повзводно. Получалось, как задумал. В темноте подобрались почти вплотную к немцам. Три красных ракеты, и — свалились фрицам прямо с неба. Не успели они за автоматы взяться, а высота снова наша.

Открыли фашисты огонь из пушек. Вывесили осветительные ракеты, хоть иголки собирай. А нас на испуг не возьмешь. Теперь все настороже. Вдруг слышу — прямо в мой окопчик сверху шуршит — «шав-шав-шав». Осколок! Не успел подумать, как плечо, будто молнией, опалило. Разрубило погоны, шинель, китель и тело рассекло. Кровью залило. Перевязали мне рану. Стрельба утихла. Утром выяснилось, что обошлись малыми потерями, погибло четыре бойца и командир взвода.

Доложил комдиву: «Задача выполнена». — «Спасибо, иди, лечись». Врач осмотрел — в плече рана в палец глубиной. «Вам, капитан, отпуск положен».

Оформил Ковалев своим штрафникам документы об «искуплении вины». И отправился в отпуск. Краем уха услышал, что на него опять готовят наградные документы.

Жена Дуся, родные, земляки встречали его дома. Тогда был еще жив хуторок Александровка близ Жилино.

Майским утром прибежала из села сестра. Кинулась обнимать, сама плачет: «Яша, война кончилась!»

...Вскоре Ковалев вернулся в свою воинскую часть на службу. Тут-то его парадный китель сразу потяжелел. Не шутка — два командирских ордена Александра Невского. Номера 34572 и 34573.

